

Рукопись Марселя Галиева «Симфония духа» вышла в Татарском книжном издательстве книгой «Поэзия духа» на татарском и русском языках и получила в этом году Державинскую премию. Её были удостоены автор Марсель Галиев и переводчик на русский Гаухар Хасанова. Поздравляем лауреатов! В прошлом номере мы начали печатать главы из этого произведения. Сегодня – продолжение

Симфония духа

поэма

Дух коня

В какой же эпохе затерялась, захлебнулась всхлипами поэзия пешей да конной деревни?

Несётся на быстрых колёсах жизнь, несётся с такой скоростью, что природа вокруг лишь линией стремительной прочерчивается. Всё убегает назад – на самые задворки памяти.

Кочуют берега, падают старые ивы, реки меняют русло – неудержимо меняется жизнь. То удивительное поколение, которое умело придавать мыслям чеканную форму, а словам – проникновенность, – те старики, которые получили воспитание под благотворной сенью молитв, давно уж перешли в объятия вечности.

Богатство языка сегодняшней деревни легко уместится в нехитрую котомочку...

Наш язык облеплен роем залётных, неприхотливых слов, лишённых в своей суетливости благодати Всевышнего...

Прошедшее столетие окончательно распрощалось с конём, нанеся ему смертельную обиду. Пришла эпоха мужчин без седла, мужчин, поклоняющихся машине. Величественные дастаны, протяжные старинные песни, жемчужины народной мудрости, участником и героем которых был и конь, остались погребёнными под пылью времён.

И Дух Коня, обиженный на вероломную эпоху, ударил её копытами в самое сердце.

Государства оказались во власти необузданной жестокости, безудержной глупости, неудержимой распущенности.

Вместе с конём, отторгнутым и от спокойного течения мирной жизни, и от театра войн, ушли и изменились привычный образ жизни человека, его манера говорить и даже его мироощущение. Человек, предавший язык своих предков, язык тех, ещё конных, времён, начал переходить на язык машинный.

Как разнообразны и красивы были слова, с которыми человек обращался к лошади. Слова, которые он говорил, когда поглаживал её любовно или утешал, изливая перед нею свою душу, или открывал ей тайны своего сердца... Был особый язык, при помощи которого люди выражали своё доверие коню. Ты с детства рос с пониманием того, что если лошадь радуется, то она радостно ржёт, если страдает – то плачет настоящими слезами, и что в её больших глазах отражаются вполне осмысленные чувства.

Взойдя из изобильных недр земли соками трав, теплом почвы, лучи Солнца – вселенского очага жизни – перешли к человеку через целебное дыхание, тело лошади и её молоко.

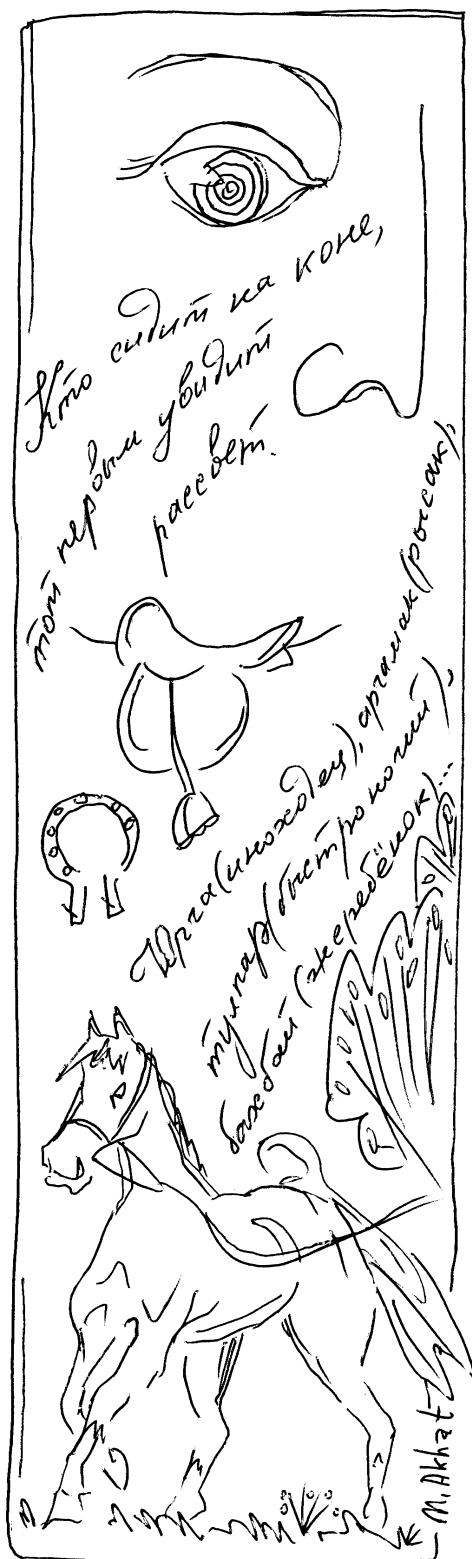
Ир-ат (мужчина)... Какой великий смысл... Духовное и телесное единение в одном слове*.

Мужчина и конь. Биение двух неразделимых душ. Мужчина-конь – древними народами увековеченный в легендах Кентавр...

Наверно, древний человек, живший в эпоху, когда ещё не было зеркал, впервые увидел своё отражение в глазах коня...

Сколько чудесных слов, обозначающих обряды и обычаи, совместное существование с лошадью, атрибутику скачек, орудия труда и боя, связанные с конём и родившиеся вместе с ним, теперь выпали из седла, и пропали бесследно. Вместе с отзвуком утерянных слов исчезает неповторимый пласт жизни, беднеют краски языка.

* *Ир* (мат.) – мужчина, *ат* – конь.

О деревня... Ты была колыбелью поэзии пеших вёрст да верных коней. Но ты меняешься на глазах. Город стирает к тебе свои холодные каменные руки. Теперь на самом видном месте сидит, расправив грудь, голубой экран. Стоит включить его, и домовой бежит прочь... Сменяющие друг друга картинки на экране заражают мозг леностью, ограничивают воображение, усыпляют мечты, высасывают у человека время и свет очей. Сознание его становится ленивым.

С экрана в каждый дом вторгается Дьявол, садится, вольготно раскинувшись, на самом почётном месте и становится хозяином твоего ума. Он захватывает твою волю; доказывает, что белое – это чёрное, а чёрное – это белое. Того, кто ещё вчера был велик, он растаптывает и превращает в ничто, а убогого, возвысив, сажает на высокий трон. Он может разжечь огонь войны в любой точке мира. Так, замутив сознание и превратив людей в полубезумцев, он хриплым хохотом празднует свою победу...

Мужчина без седла...
Утар* без хозяина...

Неужто это – достижение эпохи?..

У древа жизни, росшего сто тысяч лет, в корнях осталась ли живительная сила? Скажи мне, можно ли верить, что всё равно однажды Книга победит? И тот, кто был духовно искалечен, однажды, в поисках целебной силы, преклонит колено пред Словом книжным?

Ведь постижение мира посредством своеобразных изгибов и украшений каждой буквы из сонма букв, рассыпанных на множествах страниц, – и было тем великим состоянием, которое снизошло на человека в эпохи бронзовых подсвечников и гусиных перьев. О, скольких самоотверженных бумага и перо сделали маяками человечества!

Думы, думы...

Думы тяжёлой ношей ложатся на плечи. И кажется порой, от тяжести тех дум под тобой оседает земля.

Время пронесится ветром, течёт облаками. А в душе – тишина, не желающая расставаться с надеждой.

Внезапно, вздрогнув, поднимаю голову. Откуда этот гул? Из самой затаённой глубины или с невероятной высоты – с далёких голубых небес доносится звук конского ржания?! Вон там, возникнув из-за склона горы, расстилаясь по шёлку зелёных равнин, несётся табун лошадей. Топот копыт приятно щекочет сердце. В этот миг мне вдруг кажется, что это, накатываясь грохочущей волной, течёт величественная река, разлившаяся на всю ширь степи.

Закинув к небу удила, кусая небо, кони ржут...

В душе бурлит страсть, рождённая печалью.

Наверно, именно так ржут кони, когда приходят в ярость или страдают, радуются или влюбляются!

Нет-нет, ещё жива надежда, прошу, судьба, подари ей крылья Дульдудля!** Ты видишь: разве не те самые табуны из дастанов да сказок возвращаются сейчас в степные просторы?!

По лугу несётся кудрявогривый поток пламени. И отзвуки – то ли конского ржания, то ли горестных вздохов родной земли, – перескакивая с горы на гору, одновременно и настораживают, и вселяют надежду.

Простите нас, храбрые и верные кони!

Всевышний создал вас со всею щедростью, как настоящий венец животного мира.

В это мгновение пробуждаются слова, сиротливо забытые в омуте памяти.

Слово рождается на гроздьях души.

* * *

Самый красивый, самый значимый из существовавших в истории человечества праздников на земле – это Джиен, праздник Сабантуя. Этот торжественный и светлый праздник, рождённый на свет татарским народом, проводится

* Утар (там.) – усадьба, хозяйство.

** Дульдудль (там.) – крылатый конь.

на круглом – как само Солнце, как сама Земля, как душа народа – поле.

В круге нет углов и нет почётных мест. Поэтому, в каком бы месте круга ты ни находился, ты чувствуешь себя в центре, в гордой середине. Круглый майдан каждому оказывает почтение, и каждый здесь радуется сердцем, в равной степени приобщаясь к общему духу праздника.

Майдан Сабантуя...

Наш народ на майдане словно превращается в единое отбивающее ритм сердце. Топот копыт... Треск растягиваемых полотенец, глухое уханье падающих наземь борцов, песни и музыка, звонкие, подобные яркому букету, голоса детей, гром аплодисментов... это неповторимая симфония великого праздника, сложенная из лучистых звуков.

История нашего народа состояла не только из завоеваний и сражений. Пальцы наших древних предков, умевшие натягивать до звона тетиву тугих луков, способны были заставить сладко петь и струны саза, гуслей, домры; им равно были милы и свист стрелы, и звучание кубыза; непокорный ветер степей они вмещали в напевы нежные курая, а перестук копыт умели уложить в мелодию энергичного танца.

Майдан Сабантуя...

Страсть борьбы, стихия соревнования, мощь богатырства здесь соединяются воедино с брызжущими энергией играми, возбуждёнными голосами и сливаются в общий мощный звук, который воспаряет над майданом вверх, в бездны небосвода.

Если посмотреть с этой высоты, майдан Сабантуя, сотканный из разноцветных, живых узоров, наверно, кажется похожим на вышитую тюбетейку.

Значит, благодаря нам, татарам, Земля в день Сабантуя надевает на себя цветастую тюбетейку.

Остановись, божественная Вселенная, и посмотри: то в космосе парит Земля в тюбетейке.

* * *

Во весь опор несутся быстроногие кони!

Кажется, что привставшие на стременах и пригнувшиеся навстречу ветру молодые всадники и сами – продолжение конских грив; настолько целостным кажется единение человека и коня!

Майдан гудит. Все как один встали. Увлечены ли яростной скоростью или встревожены дикой энергией?.. Неистовое возбуждение, охватывающее при виде этой языческой мощи, – самый великий момент скачек!

Не помещаясь в грудной клетке, тревожно бьётся сердце. Сладостно перехватывает дыхание. Душа переполнена, и от избытка чувств на глаза наворачиваются слёзы...

Твоя душа, охваченная счастьем от осознания того, что тебя не затоптала эта яростная красота, воспаряет от майдана к небу. Хочется улететь, раствориться в неведомых эмпиреях...

* * *

Те столетия, когда лошадь была неотъемлемой частью жизни человека, – это эпоха славных созиданий и доблестных побед...

Древние говорили: татарин рождается на коне и на коне же умирает.

Послушный, выносливый, преданный конь мог отдать за хозяина и душу, и тело, и кровь.

Конь – твой близкий друг и твой соратник. Конь – твоё счастье и твоя гордость.

У кого конь хорош, у того и поступь хороша.

Кто сидит на коне, тот первым увидит рассвет.

Всегда считалось, что ударить лошадь по морде – всё равно что ударить по лицу отца...

Духовное и телесное единение нашего народа с лошадью, продолжавшееся тысячелетия, нашло ясное отражение в народном языке. Вон сколько ласковых и неслучайных названий дано каждому виду конского сословия: *бахбай* (лошадка, жеребёнок), *малкай*

(ласковое обращение к лошади), *елкы* (табунная лошадь), *чаптар* (игренивая лошадь), *чабышкы* (скакун), *юрга* (иноходец), *тулпар* (быстроногий конь), *аргамак* (рысак), *байтал* (не жеребившаяся кобыла), *тай* (годовалый жеребёнок), *кырыкмыш тай* (стригунок), *алаша* (мерин), *колын* (жеребёнок), *бия* (кобыла), *юртак* (рысак), *дульдуй* (крылатый конь)...

Самыми породистыми лошадьми в мире считаются арабские скакуны. Они делятся на три основных вида экстерьера: светло-серый сиглави – удивительно изящный, легкокостный, с тонкими лодыжками. Чуть выше его ростом и шире в груди – рыжий или гнедой кохейлан, способный высекать искры из-под копыт. Удивительно выносливый и самый крупный, со стройной шеей, серый в яблоках – хадбан.

Конь – это душа степи, её растянутый парус. В дастане «Идегей» (XIV век), представляющем собой высочайший образец татарского поэтического языка, есть описание коня, сотрясающего землю копытами и танцующего на месте от нетерпения:

Коня тебе жалует хан,
 Коня дарит Токтамыш,
 С губами, как мягкий сафьян,
 С ушами, как срезанный камыш,
 С копытами, как тустаган,
 С клыками, растущими, как чеснок,
 С четвёркой крылатых ног,
 С чёлкой девичьей, густой,
 С крепкой уздой золотой!
 Парносердый конь молодой
 Во время бега ведёт
 Следам своим твёрдый счёт,
 Уши, как шило, спешит поднять.
 Ветру его не догнать.
 Он бежит, сокращая путь.
 Жиром покрыта львиная грудь.
 Тигриный хребет у него,
 Соперников нет у него,
 Золото – лука седла,
 Золото – его удила.
 Садись на него, садись,
 Вернись, Идегей, вернись!

Когда с арабского Востока в Европу начали проникать эти знаменитые лошади, на свет появилась новая порода – английская скаковая. Разумеется, высококлассные мастера-коннозаводчики заботятся, прежде всего, о родос-

ловной и «чистоте крови» породистых лошадей.

Сегодня количество пород лошадей на земном шаре достигло более двухсот пятидесяти видов. Выведенная в оазисе Ахал около пяти тысяч лет назад и высоко оцениваемая во многих странах ахалтекинская порода рысаков, возможно, была родоначальницей арабских скакунов.

Большой славой пользуются и орловские рысаки.

Донские верховые игренивой масти, ведущие своё происхождение от ногайских коней, выносливые казачьи лошади – дончаки... Азербайджанские, карабахские, кабардинские, мегрельские лошади – удобные для езды под седлом и в упряжке, послушные, надёжные среди опасных скал и горных пропастей. В Карпатах популярна гуцульская порода лошадей, в Средней Азии – локайская, карабаирская, киргизская породы.

Говоря о тяжеловозах – лошадях пород брабансон, першерон, клейдесдаль, владимирский тяжеловоз, – сильных духом животных, которые надёжно тащат воз своей суровой судьбы, можно ещё назвать северные и сибирские лесные породы лошадей – вятскую, нарымскую, мезенскую, бурятскую, якутскую, способных в самые жестокие морозы прокладывать путь по глубокому снегу.

Кони, кони...

Сколько песен, пословиц, дастанов посвящено этим четвероногим существам, которых Всевышний создавал с великой любовью, а потому – совершенными во многих отношениях. Ведь и в самом деле удивительно – в какой бы позе ни стояло это статное и грациозное животное, с какой стороны на него ни посмотри, – оно всегда прекрасно, совершенно, как античная статуя, оно – образец изящества и живое воплощение божественного творения! Скачущая лошадь – яростно красива, гневно вздыбившаяся – потрясающе красива. Даже встав на колени, лошадь выглядит гордо...

И сколько сказочной тайны в народных верованиях в то, что Хозяин хлеба

ночью заплетает гривы своих любимых лошадей в косички!

Не зря же народы с высоким уровнем цивилизации ставили на высоких постах бронзовые, мраморные или чугунные конные статуи на площадях своих больших городов. (Впрочем, мы не сумели установить памятник даже оседлавшему коня хану Улу-Мухаммеду, основавшему Казанское ханство. Неужели мы стали настолько беспомощными и безвольными?!)

Нация, благодарная судьбе за один только факт своего существования на свете (если она, конечно, способна это ощущать), непременно ставит памятник коню, чем ещё раз подтверждает своё достойное место среди других народов.

* * *

Во весь опор несутся быстроногие кони!

В порывах ветра слышится свист стрел.

Откуда-то из глубин сознания, прорвавшись болью через столетия, всплывают картины былых славных событий. Перед глазами словно предстаёт грохочущий поток из сотен тысяч коней, разлившийся во всю ширь бескрайней степи, и вновь я испытываю гордость и восхищение величием, могуществом и храбростью моих предков – тюрков, которые, сидя в седле, на протяжении столетий определяли историю многих народов.

Сколько континентов сотрясал этот конный поток, начиная со стран восходящего солнца и кончая странами заходящего солнца. Лишь на одно мгновение представь себя в той эпохе: здесь разум бессилён, а фантазия тщетна. Разве не достойно это удивления: какие нужны были выносливость, сила воли и смелость, чтобы в любую непогоду, и в дождь, и в снег, проходить через горы и перевалы, степи и пустыни, леса и реки, преодолевать через огонь сражений тысячи вёрст. Чтобы управлять этим бескрайним морем конного войска, полководцам нужны были особые качества, решимость и умение подчинять всех

одной цели, незаурядное красноречие. Это только в дастанах и легендах кони – крылатые, мечи – как молнии, а каждый воин – богатырь. В реальной жизни всё гораздо сложнее...

В стародавние времена были свои правила ведения войн и сражений: договорившись заранее, в чистом поле сходились примерно равные по численности два войска. Конь против коня, меч против меча, лицом к лицу, глаза в глаза, дыхание в дыхание. Вот тогда и испытывались храбрость и смекалка воина; степень духовного и телесного единения всадника с конём и оружием, быстрота их взаимопонимания.

Горькая и коварная истина «или ты – меня, или я – тебя» – вечный смысл любой войны, идущий из глубины тысячелетий...

Наши древние славные предки – скифы, сарматы, гунны, тюрки, хазары, кыпчаки, сельджуки, болгары – ходили под татарским флагом по полям огненных сражений, имевших свои справедливые законы. Ведь в ту эпоху, выстрелив из лука, можно было ранить или убить лишь одного человека. Бросив копье, невозможно было попасть одновременно в двух воинов или в двух коней, точно так же один взмах меча означал одну рану... Справедливый закон войны!

Когда-то сойдясь один на один с конными армиями тюрков, Европа поняла, что Азию победить просто так невозможно, а потому она вот уже несколько веков создаёт и совершенствует огнестрельное оружие. Сегодня торжествует оружие, которое одним выстрелом убивает сотни воинов, одной кнопкой уничтожает сотни тысяч людей. В наше время театра военных действий уже не может быть, речь идёт не о соперничестве в силе и умении вести бой, о победе или поражении; сегодня война – это беспощадное убийство и массовое уничтожение людей. Если бы Чингисхан, несправедливо оболганный и проклинаемый не одним поколением историков, сегодня ожил и увидел творящееся в мире, он содрогнулся бы:

«Что вы творите, варвары!» – и в сердцах сломал свой меч.

Во весь опор несутся быстроногие кони!

Не стучи же, память, в моё сердце. История не может повернуть вспять, не повториться былому величию, удел сегодняшнего дня – убогие радости оципанного счастья... Вот уж стихает опнемного топот копыт. И Дух Коня возносится к небу...

...Отставшая от всех игренева лошадь вдруг взбрыкнула, скинула всадника из седла и, вскидывая копытами, понеслась к лесу. Публика на майдане, ахнув, вся разом повернулась в ту сторону. Сегодняшнюю ночь игренева проведёт в тяжёлых вздохах и терзаниях; пиная переборки усталыми, сведёнными судорогой ногами, будет горестно фыркать до рассвета. И снова и снова будет видеть сон, как она выходит на скачки. И снова будет рваться вперёд, только вперёд. Но, увы, даже во сне невозможно победить себя...

Когда день будет клониться к вечеру, загляни к этой лошади. И, прижавшись щекой к её щеке, утешь её.

Скажи ей: «Как мы с тобой похожи...» Скажи: «Я – сын народа, выпавшего из седла былых эпох...» Скажи: «Судьба лошади, пришедшей на скачках последней – это наша общая судьба».

И, разделяя горе лошади, поплачь и ты.

Приложи руку к её тёплой груди, погладь то место, где гулко бьётся сердце.

В грустных глазах лошади – безмолвный плач, молитва жизни.

* * *

На огромных территориях от Тихого океана и до Карпат наши древние предки давали названия рекам и озёрам, пустыням и степям, горам и лесам, так или иначе упоминая лошадь: *Тарбагатай, Алтай, Бабатай, Юрга, Арарат, Алашан, Торайгыр, Атбара, Акбайтал, Атбасар, Кулайгыр, Атбаши, Атаркан, Атлас, Айыртау, Колынсары, Бия, Талтай, Акъял, Тояккул, Кашкадарья, Бурубайтал, Джегетай, Карабаир, Текебас,*

Тайсуганово, Биябаш, Нурлат... и ещё много наименований...

Эти поэтические названия на языке нашего народа навеки останутся высеченными на лбу земного шара.

Да будут благословенны эпохи, прожитые человеком бок о бок с лошастью!

Да не исчезнут иноходцы, и не устанут аргамаки, и не споткнутся рысаки; и пусть лоснятся табуны и ржут призывно жеребцы...

Судьба татар – это поэма, рождённая в седле.

Дух поэзии

Одержимость поэзией, счастье мечтательного самообмана дарованы многим. Но настоящие поэты – истинное сокровище каждой нации – наверно, рождаются единицы в столетия. Такие, подобно вулкану, вырываются из души народной и, разрушив сложившийся мир понятий и представлений, затопляют всё вокруг. Только когда эта стихия успокоится, с течением времени начинаешь понимать её величие.

Настоящего поэта нельзя «вырастить».

Как ни странно, но каждый, кто не лишён таланта к сочинительству, одержим желанием соизмерять себя с вечностью, быть первым среди других.

И это – очень естественно.

Тот, кто овладел искусством управлять божественным Словом, пожалуй, заслужил и право распуścić паруса своих надежд и чувств по звёздным ветрам.

Однако, осенив нас столь эфемерным счастьем, Аллах несколько нас не обидел. Потому что мы, пишущая братия, – оросители языка; мы – те, кто держит его в постыдном движении: не даёт словам заржаветь, отделяя золото к золоту, коралл – к кораллу, не позволяет им дремать, наполняя живительным дыханием каждую их клеточку.

Поэты – не ангелы. Поэтому и они не свободны от греха... Если оглянуть-

ся на историю, или посмотреть на день сегодняшний, то обнаружится, что путь к известности и всеобщему признанию весьма тернист: всегда или ты топчешь кого-то или топчут тебя.

У тебя богатый выбор: ты можешь стать придворным соловьём и петь песни, сидя на царственном плече, ты можешь при помощи власти организовать всенародную к себе любовь или поставить себе при жизни памятник... В тщетном желании перехитрить судьбу ты можешь сделать ещё много чего!.. Но придёт день, когда ты, как личность, исчезнешь, и перед зеркалом истины останется стоять лишь твоё обнажённое творчество. Храм, который ты строил всю жизнь, обрушится в одно мгновение... Бумажные снопы провеет ветер, и среди мякины останутся лежать, едва заметны, лишь несколько худосочных зёрен.

Засим твоему наследию – успокой-на молитва...

Но если истинный поэт, в согласии со своею Совестью и Верой, сумел забросить клубок слов за пределы своей эпохи, то Время отыщет его среди золы тлеющих костров и бережно положит в колыбель Вечности.

* * *

Уроки истории не прорастают свежим стеблем. Они остаются мёртвыми примерами, зажатými в тёмной глубине корней. А ведь если в общем ряду мыслителей древности вспомнить судьбу писателей и поэтов, то обнаружится бесчисленное количество поучительных примеров. Умели же раньше оставаться гордыми перед троном и властью!

Вот только один пример: Александра Македонского (356–323 годы до нашей эры), которого на Востоке звали Зулькарнайн, перед походом против персов греки провозгласили своим предводителем. По этому случаю при дворе Александра собрались для приветствия самые видные представители греческого сообщества. Среди них не оказалось лишь мудреца и остролова Диогена. Заинтригованный Александр,

взяв с собой свиту, сам отправился к философу. В это время Диоген, живший на окраине Коринфа, наслаждался бездельем, загорая на солнце. Увидев возле себя столь высокопоставленных лиц, Диоген удивлённо воззрился на Александра.

– Проси у меня что хочешь, – сказал Александр Македонский.

И вот тут интересен ответ Диогена... Но позвольте немного продлить удовольствие от предвкушения... Как, скажите, как ответили бы на это предложение наши сегодняшние «деятели»?..

Ещё совсем недавно... мы наблюдали, как в позолоченных залах Кремля писатели, покорно склонив головы перед партийными старцами, сидящими на троне, получали из их рук награды. Один только вид их расслабленных от лестии лиц и тел был достоин высшей степени сарказма.

Но кто сидит перед тобой? Какими способами он завоевал этот трон? Пусть сядет на коня – сможет ли?! Дай в руки ему меч – удержит ли?!

Или пусть он скажет слово, способное подчинить себе сотни тысяч воинов, – найдёт ли он это слово?!

Поэт лишь в двух случаях имеет право встать на колени: во время молитвы и когда пьёт воду из родника...

Тебе дарована дорога честного творчества! За твоими плечами стоят крупнейшие писатели и поэты предыдущих столетий, которые, пройдя испытание огнём и водой, оставили бесценное духовное наследие; не оскорбляй их память – они не простят; величайшие вершины человеческого разума, с надеждой вопрошающие сквозь череду эпох: «Достоин ли?» – не простят поэту униженной согбенной позы.

Того, кто сегодня согнулся в поклоне, завтрашний день не поднимет с земли. У стоящего на коленях дух останется жить на уровне колен.

О перо! Давай теперь вернёмся в древнюю Элладу! Ведь мы остановились на том, что властелин мира Зулькарнайн, намеревавшийся покорить полмира и уже нацелившийся на Ин-

дию и увенчанные белыми коронами Гималайские горы, предложил Диогену: «Проси у меня что хочешь...»

– Отодвинься, ты заслоняешь мне солнце! – сказал Диоген.

На полководца, которому суждено было покорить полмира, слова мудреца произвели сильнейшее впечатление; восхищённый его гордостью и независимостью, он сказал своим придворным:

– Если бы я не был Александром, то, несомненно, стал бы Диогеном...

«Ты заслоняешь солнце...» Какой глубокий смысл. Наглядный пример смелости и гордости.

Но... уроки истории не прорастают свежим стеблем, они остаются лежать в сплетениях корней.

* * *

Поэзия живёт на уровне сердца.

Если же она вознесётся к Небу и, истерзанная вселенскими ветрами на холодных просторах миров, утратит цену слова, то вернуться и вновь угнездиться на уровне сердца она уже не сможет.

Поэзия живёт на уровне сердца.

Если же она, увлёкшись, спрыгнет на Землю и в поисках счастья, носом уткнувшись в соху, крылья свои покалечит, то вернуться и вновь угнездиться на уровне сердца она уже не сможет.

Лишь тот поэтический соловей сможет свить себе гнездо на уровне сердца, при приближении которого к Земле замирают Небеса, и который, приближаясь к Небесам, чувствует дыхание Земли.

Умение найти пересечение этих двух плоскостей – святая мечта поэзии; не только мечта – но и её цель; не только цель – но смысл жизни в творчестве...

Много ли их, тех неповторимых личностей, которым отведено место в святилище души татарского народа? Если лучшие из лучших, держащие на своих плечах наш духовный храм, рождаются по тысяче в сто лет, то возможно, что после испытания временем, скажем, через тысячу лет, их останется всего лишь десяток.

Сколько их у нашего народа – богатырей, мудрецов, духовных отцов, поэтов-пророков из прошлого – из далёких эпох, которые уже сами становятся легендой... С одной стороны, вроде бы немного, с другой – разве их мало? Нужно только научиться помнить их имена и беречь наследие!

Есть племена, которые стремятся отделиться от своего главного корня – татарского народа и развиваться самостоятельно, под другим именем. Те, кто руководит этими процессами, ясно понимают, что у нации, оторванной от главного корня, калечится духовная сердцевина, а развитие, начатое фактически с нуля, фатально обречено на карликовость, а потому они смело садятся на плечи выдуманной истории и отправляются на поиски «своих» великих предков на страницах прошлых эпох. В своих бесплодных попытках обозначить свой след и судьбу в истории народов они не пренебрегают и тем, чтобы покушаться на наследие татарского народа.

Не углубляясь в далёкие века, перелистаем страницы хотя бы одного столетия:

– Как утешить народ, которому природа в назначенный срок не подарила Тукая, а потому лишённый энергичного поэтического слова?

– Как величать народ, которому природа в назначенный срок не подарила Сайдаша, а потому лишённый высочайшей степени торжества – собственного гимна?

– Как оценить народ, которому природа в назначенный срок не подарила Урманче, а потому лишённый возможности увековечить в красках и полотнах свой образ жизни под Небесами?!

Национальный дух татарского народа делает рывок к новым вершинам именно с высоты таких колоссов, как Тукай, между тем как другие родственные племена, отрёкшиеся от общего имени, называют свою кочку горой и с неё пытаются устремиться к новым широтам, но – увы... Какая невыносимая дистанция! (Это не злорадство, а сожаление

по поводу несостоявшегося совместно-го развития...)

Даже один только дастан «Идегей» может являться бесспорным свидетельством поэтического величия татарского языка, впитавшего целебные соки из главного – древнего корня. У больших народов так было искони: судьба правителей, полководцев, народных сказителей изображалась через грохот жестоких боёв, звон мечей и копий. Однако произведение, описывающее картины военных сражений таким столь необычным способом, наверно, в мире одно! И это – дастан «Идегей»! Он – драгоценная жемчужина нашего языка!

Из огня была рождена
Сабля, в Дамаске закалена,
С молнией сходна круговой,
А на солнце сверкала она
Быстрой родниковой струёй,
И дышала она, как дракон.

Потрясающая поэтичность – описание грозного оружия столь художественно, словно вышито жемчугом слов! Какой ещё язык, или какой эпос или самое мастерское иносказание может с этим сравниться?! Это симфония, рождённая душой народа.

«Идегей» – великая поэма, художественные метафоры и речевые обороты которой вызывают слёзы восхищения перед невероятными возможностями языка.

Поэма может поставить Время на колени одной только удивительной строкой, в которой благодатное соединение слов преобразилось в поговорку, словно высеченную из мрамора: «Даже обессилевший лев справится с одной овцой...»

Чем на небе звездой быть,
Лучше жить в родной стороне,
Щукой плыть в речной глубине.
Даже дуб, если он одинок,
Человечьим не станет жильём,
Как бы ни был широк и высок.
Одинок не станет джигит,
Если даже он смел и силен,
Знатным бием, – таков закон.

Душа мужчины – что шёлк, затянет узлом – не развяжешь.

* Перевод С. Липкина.

Если песчинки ты соберёшь, –
Прочного камня не сотворишь.
Если много рабов соберёшь, –
Полководца не сотворишь*.

Этот рассказ о неутихающей тысячелетиями борьбе, братоубийственных сражениях, жестоких битвах рода с родом и губельных последствиях потери могущественным народом своего былого величия – это строки, перед которыми ревниво склонила бы голову сама мировая поэзия. Потрясающие душу струны дастана, печальное звучание скорбных слов:

Владыка мой хан, великий мой хан!
Что останется, если земля уйдёт?
Народ без земли останется!
Что останется, если уйдёт народ?
Страна без людей останется!
Что останется, если страна уйдёт?
Матери молоко останется!
А если и молоко пропадёт?
Язык, сосавший белую грудь,
Язык сладкогласный останется!
Язык пропадёт, уйдут слова –
Письмо мудреца останется!
Погибнет мудрая голова,
Но кровь в потомстве останется!
А если потомство погубить,
Всё поколение перебить,
Чужеземец в стране останется!
Судьбою сражённый навсегда,
Потомства лишённый и гнезда,
Блеющий, как дурной баран,
Хан одинокий останется.

Семь скал, уткнувшиеся главами во вселенную и семь степей, раскрытых настезь, словно ладони эпох, – безмолвные свидетели: в блистательной симфонии эпохи тюркского мира сквозь благородный конский топот эти аккорды звучат как тревожный реквием по древнему народу, который владел материками, омываемыми тремя океанами и семью морями, но оказался обречённым превратиться в сказочного дива с семью головами.

Молитва горестной души.

* * *

Это же в тебе, поэзия, –
когда над поляной чистого листа
встаёт перо, слова, наливаясь жизненными соками, растут, покорно подчиняясь размеру, ритмике стиха, и рассыпаются по небосводу свободомыслия?!

Это же в тебе, поэзия, –
божественное единодушие отобранных поэтом слов, объединённых пульсацией одной крови, одной мысли, одной мелодии: неповторимая изобретательность сказителей, под звуки домры, кубыза, саза, гуслей день и ночь, не повторяясь, сказывающих песни.

Это же в тебе, поэзия, –
дастанное величие мудрого Востока; решимость играть судьбами государств, насадив их на кончики копий; и в то же время способность государя рукой, уставшей от меча, взять перо, чтобы выразить своё почтение слову.

Это же в тебе, поэзия, –
счастье выжить колонками бессмертных слов в истерзанных, обугленных, но не сгоревших книгах, которые чудом уцелели в огне катастроф и перипетий столетий.

Это же в тебе, поэзия, –
решимость оставаться верным сво-

ей совести, даже когда над головой висит меч на волоске.

Это же в тебе, поэзия, –
мастерство заставить змею плакать – вопреки известной поговорке, что от змеи слёз не дождёшься.

Это же в тебе, поэзия, –
желание взбодрить, как настоящего поэта, того, кто написал нехитрую частушку на мотив мелодии, пригодной лишь на то, чтобы заставить скакать щенка.

Это же в тебе, поэзия, –
воля, способная, безжалостно тормоша задремавшую и хворающую душу своего народа, поднять на высоту его истинного величия.

Это же в тебе, поэзия, –
великодушие прощать, оставляя зерно надежды тем, кто предал свой родной язык!

Перевод Гаухар Хасановой

(Окончание следует.)

